

За рубежом — 1998. — 27 февр. — 5 марта (№ 8). — С. 10 — 11

Бертольт Брехт

Урс ЕННИ

«ШПИГЕЛЬ», ГАМБУРГ.

тельной ретроспективной проверке.

*Сердце,
прозванное
кинжалом*

СЛУЧАЙНО сохранившийся дневник Брехта, обозначенный его собственной рукой как «Дневник № 10», сообщает нам в первый же день: «Опять колотится сердце!» Эта беда общеизвестна, из-за нее его не раз посылали на лечение. Позднее жены тоже сообщали о судорогах и приступах бешеного сердцебиения, настигавших его иногда среди ночи. Имел ли этот «нервный недуг» (по выражению домашнего врача) органическую природу, доподлинно не из-

вестно. С таким же успехом это могло быть проявлением первобытного страха покинутого ребенка, который прорывался из темных глубин подсознания. Похоже, лучше всего в таких случаях ему помогли теплое участие и телесная близость.

В остальном же он был скорее недотрогой. Смерть он не любил видеть даже на сцене, а о том, насколько крепко владела сознанием «сердечная» тема, свидетельствует его последнее желание: он просил, чтобы в гробу ему пронзили сердце кинжалом — дабы уж наверняка не быть погребенным живым. Вроде бы все говорит за то, что волю его (по крайней мере в данном пункте) исполнили.

Творчество писателя, в котором явно ощущается дефицит «отцовских» образов, зато безраздельно властвуют фигуры «материнские» (от «Матери», «Мамаши Кураж» и «Кавказского мелового круга») до переработки шекспировской «материнско-сыновней» драмы «Кориолан»), неизбежно вызывает интерес к родителям автора. Его отец — классический продукт периода грюндерства — за два десятилетия выбился из приказчиков в коммерческие директора бумажной фабрики. Книг, однако (за исключением Библии), в доме не держали. Собственные культурные потребности Бертольта-старшего вполне удовлетворялись участием в хоровом кружке, но обоим сыновьям он, как приличествовало человеку его положения, купил пианино, а к литературным амбициям старшего относился с уважением, хотя и не понимал их.

Мать же, похоже, так и не сумела освободиться из рамок своего тесного шварцвальдского мирка. Даже в очень добрых по отношению к ней мемуарах младшего сына, Вальтера, она предстает фигурой пассивной и тусклой. Женщина болезненная и слабая, она хворала так долго и сильно, что уже в 1910 году ведение хозяйства было полностью возложено на экономку. Продержавшись еще десять лет на инъек-

циях морфия, она наконец умерла от рака. Утверждают, что 22-летний Ойген в вечер после ее смерти по обыкновению пьянствовал с друзьями в своей чердачной каморке, а перед самыми похоронами и вовсе бесследно пропал вместе со своими тонкими чувствами. Он не любил, когда его бросали, и не прощал этого. Позднее он писал о своей матери: «Я любил ее «по-моему», а она хотела быть любимой «по-ее».

Литературовед Юрген Мантей вставил в свою раннюю и в высшей степени информативную книгу «Бессмертие Ахилла» главу о Брехте. В ней жуткий «упрощенец» Брехт не менее жутким образом упрощается до образа маменькиного сынка, который в своем детском отчаянии только тем и занят, что обижается на весь свет за то, что недополучил тепло у материнской груди.

В действительности брехтовские монументальные материнские образы, и в первую очередь каноническая «Мамаша Кураж», не только родительницы, но и губительницы своих детей. В свою очередь, грубо-

Женщины в его

Паула Банхольцер.

Марианна Цофф.

Хелена Вайгель.

вестно. С таким же успехом это могло быть проявлением первобытного страха покинутого ребенка, который прорывался из темных глубин подсознания. Похоже, лучше всего в таких случаях ему помогли теплое участие и телесная близость.

В остальном же он был скорее недотрогой. Смерть он не любил видеть даже на сцене, а о том, насколько крепко владела сознанием «сердечная» тема, свидетельствует его последнее желание: он просил, чтобы в гробу ему пронзили сердце кинжалом — дабы уж наверняка не быть погребенным живым. Вроде бы все говорит за то, что волю его (по крайней мере в данном пункте) исполнили.

Творчество писателя, в котором явно ощущается дефицит «отцовских» образов, зато безраздельно властвуют фигуры «материнские» (от «Матери», «Мамаши Кураж» и «Кавказского мелового круга») до переработки шекспировской «материнско-сыновней» драмы «Кориолан»), неизбежно вызывает интерес к родителям автора. Его отец — классический продукт периода грюндерства — за два десятилетия выбился из приказчиков в коммерческие директора бумажной фабрики. Книг, однако (за исключением Библии), в доме не держали. Собственные культурные потребности Бертольта-старшего вполне удовлетворялись участием в хоровом кружке, но обоим сыновьям он, как приличествовало человеку его положения, купил пианино, а к литературным амбициям старшего относился с уважением, хотя и не понимал их.

Мать же, похоже, так и не сумела освободиться из рамок своего тесного шварцвальдского мирка. Даже в очень добрых по отношению к ней мемуарах младшего сына, Вальтера, она предстает фигурой пассивной и тусклой. Женщина болезненная и слабая, она хворала так долго и сильно, что уже в 1910 году ведение хозяйства было полностью возложено на экономку. Продержавшись еще десять лет на инъек-

циях морфия, она наконец умерла от рака. Утверждают, что 22-летний Ойген в вечер после ее смерти по обыкновению пьянствовал с друзьями в своей чердачной каморке, а перед самыми похоронами и вовсе бесследно пропал вместе со своими тонкими чувствами. Он не любил, когда его бросали, и не прощал этого. Позднее он писал о своей матери: «Я любил ее «по-моему», а она хотела быть любимой «по-ее».

Литературовед Юрген Мантей вставил в свою раннюю и в высшей степени информативную книгу «Бессмертие Ахилла» главу о Брехте. В ней жуткий «упрощенец» Брехт не менее жутким образом упрощается до образа маменькиного сынка, который в своем детском отчаянии только тем и занят, что обижается на весь свет за то, что недополучил тепло у материнской груди.

В действительности брехтовские монументальные материнские образы, и в первую очередь каноническая «Мамаша Кураж», не только родительницы, но и губительницы своих детей. В свою очередь, грубо-

прожорливые самцы, распушившие хвосты на его сцене, — от первого драматического героя Ваала до ненасытного капиталиста Маулера, сластолюбца Галилея и пьяницы Пунтилы — отнюдь не автопортреты, а скорее фантомы его желаний. «Мне очень нравились люди с большим аппетитом», — признался он как-то раз. Сам же подобного аппетита был лишен: «Мой желудок был слишком мал». Как бы то ни было, а смертельную обиду брошенного ребенка на весь свет он, как никто другой, умел превратить в драматургический шлягер вроде баллады о пиратке Дженни, которая на вопрос «Кого из них убить?» хладнокровно отвечает: «Всех».

Молодой Брехт, во всем облике которого сквозила какая-то безнадёжная сиротская запущенность, не был «ни хорош собой, ни даже элегантен» (Би). Этот, по словам Мар, «крайне неухоженный, тщедушный человечек» с хриплым голосом и каркающим «р» отличался, с одной

менно пообещал первой, что сразу же разведется и женится на ней.

Через полгода после рождения у Мар дочери Ханны он в Берлине сошелся с Хеленой Вайгель (Хелли), вовсе не собираясь при этом отказываться от двух других. Когда же Би взбунтовалась, он послал Хелли в Аугсбург с заданием немедленно и в ультимативной форме подвинуть вечную невесту к поезду в Берлин. Он сам, с его неотразимым магнетизмом, пожалуй, и справился бы с таким фокусом. Однако Хелли этого сделать не удалось (она, кстати, и сама уже ждала ребенка), да и брачный роман с красавицей Мар как-то (после очередной ее беременности) разладился. Статистическим дополнением к биографии Брехта мог бы стать и длинный список абортных, сделанных его возлюбленными.

Когда он затем в 1929 году, не предупредив остальных невест, женился на Хелли, то Элизабет Хауптман и писательница Марилуиза Фляйсер отреагировали попытками самоубийства. Букетом же, предназначенным как раз для примирения, Карола Неер отхлестала коварного изменника по щекам. Отношения между женщиной и женщиной, учил Брехт, — это договор, по которому мужчина «может чудовищно много требовать, а женщина должна чудовищно много уступать». И поскольку Хелли умела мириться с такими неравными условиями, то она и оставалась, несмотря на все кризисы, пожизненно главной женой Брехта. Очередную фаворитку, Маргарете Штеффин, возникшую на горизонте в 1931 году, Хелли приветствовала в брехтовском клубе разбитых сердец словами: «Мне жалко тебя, деточка».

Стихи молодой Брехт сочинял с такой легкостью, словно они слетали к нему с небес. Но если мгновенного порыва не хватало для попадания в цель, они часто так и оставались навсегда неоконченными.

Необузданный талант

В БОННСКОМ бундестаге один министр сравнил его с певцом нацистских штурмовых отрядов Хорстом Весселем. В ГДР он против собственной воли превратился в «государственного» художника. Германия иссушила источник его жизненных сил. Он страдал от того, как быстро и страшно рушится его мечта о «новой Германии». По поводу его преждевременной смерти — от инфаркта в возрасте 58 лет — можно с подобающим моменту пафосом сказать: Германия разбила ему сердце. Он был велик, но он был и жалок.

Но если ему — подобно персонажу одного из его поздних произведений, римскому полководцу Лукуллу, — суждено предстать перед судом мертвых, то в его пользу будет свидетельствовать уникальное по цельности и силе воздействия дело его жизни. На другую же чашу весов ляжет грубый эгоизм, с помощью которого — особенно в отношении близких своих — он отвоевывал это дело жизни у жестокой эпохи, что, однако, не может служить для него универсальным смягчающим обстоятельством.

Правда, в конечном итоге, если вспомнить, как страстно он возвысил свой голос против Гитлера, все может перевесить его молчание перед Сталиным. В 43-м он записал в дневнике: «В фашизме социализм видит свое искаженное зеркальное отражение, в котором нет ни одной его добродетели, зато налицо все его грехи». Однако все это он держал в себе, и лишь когда уже не осталось никаких иллюзий, назвал Сталина — в узком кругу друзей — «заслуженным убийцей народа».

Наступил год Брехта! Беспрецедентный видеоажиотаж давно уже развернут на спутниковом канале телевидения. Издательство «Зуркам-Ферлаг» докладывает о завершении работы над 30-томным комментированным «Берлинским и Франкфуртским изданием». Брех-

товские наследники свозят в свои закрома рекордный гонорарный урожай. А нахальный вопрос «Какого именно Брехта будем чествовать сегодня?» тонет в волнах всеобщего ликования. Естественно, среди прочих особой финансовой щедростью выделяются «брехтовские» города Аугсбург и Берлин. На панихиде 42 года назад речь держал Вальтер Ульбрихт; по случаю 100-летия со дня рождения, 10 февраля 1998 года, этой чести удостоился президент Роман Херцог.

В швабском же Пфуллингене брехтовский юбилей ухитрились отпраздновать еще в 1997 году — на том основании, что-де его родители Бертольт и Софи Брехт сразу же после венчания 15 мая 1897 года отпраздновали именно в Пфуллингене. Следовательно, именно там и был зачат будущий писатель, появившийся на свет 10 февраля в Аугсбурге. Разве не подтверждением этой идеи звучат строки известного стихотворения: «Я — Бертольт Брехт, родом из Шварцвальда...»? И дальше: «Я в города въезжал в утробе материнской...»

Крещен он был в евангелической церкви (как и его мать) именами Ойген Бертольт Фридрих, однако в кругу семьи, друзей и однокашников его звали исключительно Ойген («Благородный»). Свои первые лирические стихи он опубликовал в 15 лет под именем «Бертольт Ойген» в самодельном школьном журнальчике (номера его издаются к юбилею в факсимильном воспроизведении). В 18 лет он подписывает свои стихи фасонисто: «Берт Брехт». В этом возрасте его интонации уже хорошо узнаваемы: изощренная наивность, неподражаемая дерзость, наконец, яркая, сочная экспрессия, почерпнутая из народных песен и Библии в переводе Лютера, из городских куплетов и патетики Рембо. Его ранняя зрелость поразительна. В каком-то неудержимом порыве он к 25 годам создал едва ли не львиную долю того, что делает его одним из самых живых и ярких лириков нашего столетия.

Аугсбург еще в 95-м, провозглашая градующий «Год Брехта», как бы официально дал понять, что отныне хуле и анафеме («Осквернитель родного гнезда! Безродный отщепенец! Коммунист!»), долгое время выражавшимися на Западе в бойкоте его творчества, положен конец. Естественно, теперь Аугсбург стоит в первом ряду устроителей юбилейных празднеств, возвестив о проведении едва ли не сотни торжественных мероприятий. Одним из кульминационных пунктов следует считать, конечно же, вручение премии имени Бертольта Брехта. 2000 год город собирается провести под знаком Гете, однако на 2001-й снова назначен год Брехта — не зря же последний в порыве своей аугсбургской творческой эйфории предрекал: «Мое творчество — последний отзвук тысячелетия!» Вот это творчество теперь и подлежит обяза-